

Увы, он в Испании не был. Но это не значит, что на Иберийском полуострове он читает и изучает меньше, чем на Родине. Пожалуй, в некотором отношении изучает пристальней — есть для того особый интерес. Это не бахвальство, можно без труда доказать сказанное, взяв в руки пятитомное собрание сочинений Булгакова, изданное в Москве в 1989 — 1990 годах.

Тут тема нашего разговора, как при крушении поезда, разъезжается по разным рельсам: собственно «испанская грусть» писателя смещивается с общечеловеческой, нашей, читательской: от деятельности авторов комментариев, статей, переводов и редколлегии вообще.

Впрочем, сам он эти безобразия прозорливо предвидел, хмыкал, предполагал, что когда умрет, в газете обязательно переврут и напишут: «Умер Михаил Александрович Бумаков».

Поскольку же собрание сочинений — не «вечорка», то и ошибок, опечаток, дурновкусы в статье гораздо больше, неразбериха в научном корпусе носит следы посадки на последний паром из Севастополя в Истанбул: прямое вмешательство в композицию и во временную последовательность изданных произведений — требует разбирательства Международного суда в Гааге за литературоведческое преступление против человечества.

Появится возможность поговорить и об этом. Но сначала — Булгаков и Испания.

6/6/1993

Что, сеньор мой,
Вдохновенье мне дано?
Как ваше мнение?!

«Севильский цирюльник»

Вместе с другими двумя операми о знаменитых испанцах («Кармен» и «Дон Жуан») эта цитируется и любится не только героями писателя, но и самим автором Вдохновенью ему было не занимать, но...

Но речь пойдет не о любимых операх, не об инсценированном Булгаковым «Дон Кихоте», не о рассказах, фельетонах или о прозе с иберийскими реалиями. Хоть Мастер, по злой пушкинской традиции, путешествовал по дальнему зарубежью исключительно по географической карте и книгам, у читателей зато появилась возможность оценить все величие его фантазии, предвосхищений, многогранность его интересов. Рядом с этим незначительны те немногие литературные и бытовые неточности, вроде «тайн мадридского двора» (находившегося, собственно, не в Мадриде); пыточного «испанского сапожка» (изобретенного итальянскими товарищами); Дон Жуана (так по-португальски; настоящий — Дон Хуан Тенорио); кастаньет (на кастаньетно: кастаньюэнос); «От Севильи до Гренады...», хотя эти города соответственно — «Севилья» и «Гранада»...

Повторяю, Мастеру это простительно. Мастеру. Но не его толмачам.

В доказательство хочу привлечь внимание честной публики вот к каким эпизодам:

— двум письмам от 25 и 30 июля 1938 года к жене, Е. С. Булгаковой, писанным по-испански и включенным в собрание;
— к статье в «Литературной газете» от 23 декабря 1936 года, априори проигнорированной составителями. Почему — скоро поймете;

— и, наконец, к замыслу последней, так и не написанной пьесы. Запись о ней есть в дневнике Елены Сергеевны от 6 января 1940 года, за несколько недель до смерти «бедного, окровавленного» Мастера.

Начать это именно «расследование» хочу с писем. Их, как уже говорилось, всего два. Тут же, в томе, есть записки на итальянском и английском.

Интересующие нас письма Булгаков писал во время работы над инсценировкой «Дон Кихота» для Вахтанговского театра. Приводить здесь их в оригинале не имеет смысла, а давать их переводы — значит участвовать в сомнительной непрофессиональной игре.

Письма эти весьма личные, и уж раз влезли в них господина препараторы, не вытирая сапог, то могли бы уж не топтаться, вести себя поделкатнее. Но не таких советский булгаковед!

Еще раз подчеркну, что не критике толкователей собрания сочинений посвящена эта статья. Но без разбора их работы не понятно: чье же по сути это собрание, раз под «науку» отдано в пятитомнике 315 (внимание: триста пятнадцать!) страниц мелким бисером? Так что без критики — никак.

Однако перейдем к главной, детективной части нашего расследования. Начнем с вопросов по письмам. Их три.

1. Освоил ли писатель язык (а изучал ли вообще)?
2. Пользовался ли он при их составлении учебниками, словарями?
3. Писались ли они под диктовку грамотного испанца?

Ответить на эти вопросы довольно легко, начиная именно с третьего: характер их довольно интимный, так что вряд ли прибегнешь в этом случае к советникам.

В стилистике, фразеологии, синтаксисе немалое количество мелких ошибок, отсутствие необходимых артиклей и ударений, так что пункт первый предположений тоже зашатался и упал, поверженный.

Да и сам Булгаков к тому же писал: «Воображаю, как хохотал бы Сервантес, если бы прочел мое послание к тебе!.. Признаюсь, что по-испански писать трудно».

Ах, какая тайна! В личном письме писатель использует инфинитивную форму, упрощенные блоки. Сегодня это всяк сделать в состоянии. Упаси меня Бог над тем усмехаться!

Но дальше — в переводах! — начинаются абсолютно нелитературные штуки: и тут, прошу прощения, пошады не будет.

Начнем с того, что в дело вступают — КОНЕЧНО, безымянные, по доброй традиции НКВД, — переводчики.

Они переведут, как захотят их левые ноги. Ну, например, как можно трансформировать невинное слово «tambien» — «тоже»? Ваше мнение? Отвечают: «а — золотка — не — отстает — от — него —!». Причем ни смысл, ни эмоции автора не требуют такой подробной отселятины.

Евгений РЫК

БУЛГАКОВ В ИСПАНИИ

Опять анекдот о трехспальной супружеской кровати «Ленин с нами».

«Окно открыто», — пишет Мастер. «Настежь», — уточняет безымянный доброжелатель. «Двенадцать равно», — невзначай замечает Булгаков. Нет! «Полдень» — больше нравится самозваному соавтору, хотя в испанском это тоже разные слова, как и в русском, впрочем.

«Блохи», скажете? Давайте обратимся к более принципиальным вещам.

У Елены Сергеевны от предыдущего брака было двое сыновей: Евгений, старший, и младший, Сергей. Обратите внимание на полное написание. Булгаков относится к ним (к детям и их именам) весьма дипломатично. И когда пишет по-испански «Sergio», то это без всяких розовых слюней и означает именно «Сергей», а никак не «Сереза»: «А сын Сереза?», «Здоровы ли ты и Сереза?». Умилно так, сладенько дается в переводе. Если уж говорить строго по тексту источников, то Булгаков младшего Серезей не называл в своих письмах НИКОГДА. «Тяжелым, как комод», «потрясающим малым», «пасынком», наконец, «бандитом с пистолетом» — да. Но без всякого сюсюканья, без таковых соплей, каковыми пытаются современные подмалевщики поддетушивать семейную жизнь Булгаковых. Ведь это не опечатки, а искусственное навязывание нам образа совсем другого человека. Разница есть!

Возведенный в новые святые, писатель все же не нуждается в посмертном джентльменском наборе Паниковского: «... покойный любил детей и животных». Из иных источников видно, что герой наш — «того»: не дотягивает до канонизации.

Саркастический Булгаков сообщает своей жене и о старшем ее сыне, проживающем в семье предыдущего мужа: «Но ради всего святого, не придумывай ты мне провозражаний! Пошады. Ты был Евгений...». О нем же: «Настя встретила его очень нежно. Звонила ему, чтобы он был поосторожнее с газом, на что Евгений обиделся!». «Награжденный Евгений задумчиво считал деньги у нас на диване»...

Деликатно это или не очень — не наше дело. Ан, нет! Научные дамы и тут со своими носовыми платками! И абсолютно обо всем они могут рассказать, все объяснить, растолковать лучше самого Булгакова. В собрании сочинений, по моему, фамилия М. Чудаковой упоминается даже чаще, чем самого сочинителя собрания. Не отстают и другие. Как справедливо писал в книге о Мольере наш Мастер: «Дамы пишут трогательно, с этим ничего у нас не поделаешь!».

Отечественные «булгаковеды» сумели-таки внести и в этот тезис свое дополнение. Вот одно, особенно поразительное: «Первое издание с собственным научно-текстологической подготовкой, с серьеэным исследованием сохранившихся рукописей последних редакций и машинописи 1963 г. было предпринято киевским издательством «Дніпро» (Булгаков М. Избранные произведения. В 2-х томах, т. 2, 1969, текстологическая подготовка Л. Яновской...)».

Га! — как сказал бы киеллинин Булгаков на эту скромную саморекламу. Завершая первую часть статьи, надо сказать все же: неизвестный итальян-

ский переводчик отметил, что «перевод отражает все неточности булгаковского итальянского языка».

Не наказали ли смельчак в грозной редколлегии?

Что, спрашивается, из того, что Мастер в своей семейной шутилой игре ошибается?! Это его дело. Он ведь и разрешения не давал на ее публикацию, как помнится. Елена Сергеевна просто долгое время была в стесненных материальных обстоятельствах, продала архив в «Ленинку», государству, как я понимаю. Ну, а дальше — дело техники. Исследователям сокровища достались бесплатно и по старой традиции: «твое, мое, значит, ничье». Ни заботы, ни благодарности, ни уважения. Объявив себя авторитетами, «старшие специалисты» по его творчеству (В. Гудкова уважаемая, например) лепят «Мигуель», хотя автора «Дон Кихота» кличут все-таки Мигелем...

Тут крикнешь. Хотя... Как слышится, так и пишется. Вон в Минске есть моя любимая улица «Камсамольская»...

Английское имя «Michael» и детям своим завещаю писать как «Михаил», а коли встречу американского певца Джексона (он в Мадриде часто бывает), так и скажу ему: «Знаешь, Михаил, ты не прав!» То-то он вздрогнет.

Не утомился ли ты, читатель? Если нет, то сюрпризы еще впереди.

Мне скажут: «Кабайеро, что же вы так о женщинах?!» Я отвечу классической фразой международного шулерского движения: «В картишки — нет братишки (сестренки)!». Если люди любого пола, партийности и вероисповедания взялись объяснять нам, бестолковым, свою трактовку работ Мастера, то пусть и будут готовы скупать наше законное и доказанное «ФЭ!».

В частности, господу доброжелателю, объясните мне, почему заявление Административному отделу Моссовета от 21 февраля 1928 года (№ 32) напечатать сочли возможным, а заметку Булгакова в «Литературной газете» от 23 декабря 1936-го — не сочли? Оно интересно не только в связи с «испанской» темой (а она суть данной работы), но дает и дополнительный луч света в то темное царство, каким и была закрытая для посторонних душа Михаила Афанасьевича.

Цитирую. «Я был поражен известием о потоплении советского теплохода «Комсомолец». Но, по моему убеждению, слова возмущения здесь ничего не помогут. И я присоединяю свой голос к тем, которые находят, что необходимо направить в испанские воды эскадру. Советские военные корабли сумеют и отконвоировать торговые суда, и внушить уважение к флагу Союза, а в случае крайности напомнить, насколько глубоки и опасны воды, в которых плавают поджигатели войны. Писатель М. Булгаков».

Умышленно не хочу давать политическую оценку его позиции. Год — вон какой, смотри выше. Сталин... Не убитые окончательно еще надежды на заграничный паспорт... Корабль жалко, людей... Но извольте познать меня с таким серьезнейшим, редким, может, и единственным заявлением Мастера! Тогда станет ясно, какую именно войну

рассматривает Воланд на своем волшебном глобусе.

Мнение такого философа, как М. А. Булгаков, по проблеме международных отношений между странами, никогда до того не воевавшими, размышления его по поводу «интернациональной» помощи, гибели соотечественников за чужими морями — интересно не только живущим в Испании.

Мнение человека, всю жизнь страдавшего от войны, ШЕСТЬ раз загоняемого в армию (от императорской Николая II, до «хлопців» Петлюры и войск Троцкого). Кредо не рядового обозника, а интеллигента, попавшего в мсорубку. Дайте увидеть его резоны, а не ножницы целомудрых цензериц.

И ведь это только одна из оплошностей изучателей среди огромного количества приблизительности, выхолащивания текстов писателя.

На чью совесть повесить это литвердительство?

А в мыслях Булгаков видел далекую страну и прежде. Он изучал язык, радовался, что Е. С. понимает его «иностранные» письма («Я вижу, что испанским языком тебя не удивишь!»); перечитывал авторов, пишущих на кастейяно (Лопе де Вега, Тирсо де Молина, Сервантеса: «Жадно гляжу на испанский экземпляр «Дон Кихота». Теперь займись им»). Он работал с документами о войне Людовика XIV (мужа Марии-Терезии, дочки испанского короля) за наследство в Голландии...

Самое же интересное, что именно с Испанией связан замысел его последней драматургической, да и какой бы то ни было, работы, где уже в перечне замысливаемых картин указываются «Альгамбра. Гренада... Гибель Гренады...». В дневнике Елены Сергеевны сказано: «...6-го января 1940 года делаются записки к пьесе задумывалась осенью 1939 г. Пером начата 6.1.1940. Пьеса...».

Значит, самая последняя, закатная страсть Мастера, так и не свыкшегося за двадцать лет с московскими снегами, прилась на выжженные холмы далекой страны?! В его последнюю зиму в Москве были страшные какие-то, особенные, антифашистские прямо морозы. Минус 42 градуса!

Шесть лет назад, в 1934-м, он писал в рассказе «Был май»: «Душа моя раскисла, потом что-то дрогнуло в груди. Мне захотелось услышать про раскаленную Испанию. И чтоб сейчас заиграли на гитарах».

Значит, что-то притягивало его в историю и географию некогда могущественной империи, страны корриды, от важных мореплавателей, ученых и весело выпивающих монахов?!

Значит, «благодаря» исследователям мы не прочтем еще одну любопытную страницу жизни Михаила Афанасьевича?! А именно — ДОКУМЕНТАЛЬНУЮ страницу! Не увидим писателя, то восторженно, то с любопытством, то с непониманием разглядывающего полуостров на южной оконечности Европы.

Доброхоты стали в железные ряды у его могилы, толкаются, желая подойти поближе, плаксиво ябедничают: «Работа над текстологией писем была осложнена ситуацией, сложившейся в отечественных архивохранилищах: длительный запрет на работу в ОР ГБЛ, продолжительная консервация фондов музея МХАТа, перерывы в работе ЦГАЛИ, ИРЛИ и др. — существенно тормозили деятельность исследователей».

Что же, как говаривал сатирик: «У нас, кто что охраняет, тот то и имеет». Мастер — писатель «валютный», документы его будут появляться на свет под каждую новую международную Булгаковскую конференцию. Парижская «Русская мысль» постоянно печатает новинки именитых держателей упомянутых фондов и архивов.

В заключение немного злословной арифметики. В томах собрания сочинений под «науку» взято, как говорилось, 315 страниц полезной площади. В то же время и в то же собрание НЕ включены булгаковские дневники, обнаруженные в архивах КГБ, десятки газетных работ, варианты и оригиналы ранних и более поздних пьес, письма, анкетные документы. Нет свидетельств о смерти и похоронах...

Что тут скажешь?!

Очередной шабаш. Эх, Михаил Афанасьевич, приглашаю Вас в Испанию. Походим по суровым залам Эскориала, под сводами кафедрального собора в Толедо. Выпьем красного «Тинто» в подвальчике Мадрида (адресок имеется). Постоим в Виго у Атлантического. Пройдут Ваши хвори, залечатся душевные раны.

Да только уже не случится этого. Те адреса и телефоны, что рассыпаны по письмам Булгакова, вне досягаемости.

Увы, я, которому никогда не суждено его увидеть, посылаю ему свой прощальный привет!

МАДРИД, ИСПАНИЯ

Автор перечисляет гонимые в фонд поддержки «Литературной России».

Бумаков М.

4.08.93